

Иви Позитиви

ЗАДНИМ ЧИСЛОМ

ДжазЭкшн в трёх отделениях

Иви Позитиви

**Задним числом. ДжазЭкшн
в трёх отделениях**

«Издательские решения»

Позитиви И.

Задним числом. ДжазЭкшн в трёх отделениях / И. Позитиви —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-503477-9

Жизнь столкнула с крыши одиночество. Школьники готовятся к выпускному. Учительнице поздно ждать простого человеческого «щаз я». Дверь скучала пока не оказалась между мужчиной и женщиной. Порог заскрипел от радости. Тук-тук откройте! Йог медитировал под деревом пока чакры во весь голос не закричали:— Что за на! Школьники в лесу — это не только громкая музыка...

ISBN 978-5-00-503477-9

© Позитиви И.
© Издательские решения

Содержание

Отделение первое	6
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Задним числом ДжазЭкшн в трёх отделениях

Иви Позитиви

© Иви Позитиви, 2019

ISBN 978-5-0050-3477-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Отделение первое

«Берегите ваши „Чакры“, они не восстанавливаются»

Школа!

– О, нет!!! – кричите вы первого сентября.

Школа!

– О, да!!! – кричите вы двадцать пятого мая.

Выпускной!!!

И да, и нет...

Шутки шутками, а давайте перейдём к 11-тому Бэ, сумевшему поднять Кундалину так высоко, что космосу и не снилось. Энергетические потоки подняли волну безумных событий, чтобы разбить их об берега Богодуховского колледжума №2 с непонятно каким уклоном. Хотя какая свадьба без баяна... ой, какая школа без уклона, вернее, свадьба без драки или выпускной без приключений. Короче, один несчастный всю жизнь искал идеальную женщину, а она ждала принца на белом коне, и когда этот принц приехал, то что-то во Вселенной пошло не так. Директор школы получил по заслугам, выпускники аттестаты, несчастная женщина идеального мужчину, несчастный влюблённый винтовку, а выпускники Кекс и Коца думали, как избавиться от трупа. Все мы малая часть чего-то большого.

11-тый Бэ собрали на последнем классном часе. Марь Ванна подняла руку – и класс замолчал. Ненавидя свой класс за то, что он отнял у неё лучшие одиннадцать лет жизни, Марь Ванна смаковала новость, во имя которой явка на классный час была обязательной.

– Итак, 11-тый Бэ, учёба позади...

Не дав Марь Ванне договорить, тридцать два молодых организма заорали в один голос:

– О, да!!!

Класс так радостно кричал, будто 11-тому Бэ пообещали пожизненный «безлим» на интернет. Марь Ванна подняла руку, чтобы остановить тайфун радостных криков.

Стоп! Кто такая Марь Ванна? Как выглядит? Что любит? И что ненавидит, кроме 11-го Бэ?

Марь Ванна была среднего роста, такая себе пышечка с длинной косой, закрученной на голове калачиком. Двустволку маленьких слезящихся глаз прикрывали огромные и старомодные очки. Как и очки, неизменными были маленькие, не седеющие усики и вечно красные бусы при любом наряде. Милая душечка, добрейшей души человек, Марь Ванна отдала рай-центру Богодухов все самое лучшее, получив взамен самое худшее, что может дать населённый пункт, в котором на тысячу жителей один знает, что такое культура и как она «прэ». На две тысячи один знает, что такое любовь, и на три тысячи она одна. Единственное, что ждала бедная учительница, это пенсию, до которой оставалось всего ничего. Марь Ванну все достало. Жизнь не удалась. Она никого не хотела видеть. Возвышенная когда-то, Марь Ванна теперь не смеялась ни над чем. Даже над шуткой про водителя со стажем, который вставляя «флешку», автоматически ее поворачивает. А когда-то Марь Ванна смеялась над «Колобок повесился». И что теперь? А ничего. Листья с деревьев жизни опадают, она, шурша, прогуливается по парку разочарований. Маленькая комнатуха в общежитии «щедро», подаренная городом за 25 лет работы в школе. Одна среди четырёх стен. На одной стене висит портрет Тараса Шевченко, а на другой Маяковского. Оба поэта смотрели на неё исподлобья, когда холодными вечерами, она, греясь дешёвым вином, спрашивала у неба:

– За что?

Супруг Марь Ванны сначала должен был быть высоким зеленоглазым шатеном в шикарном пальто осенью, в дублёнке зимой, весной в костюме цвета мороженого и в белой рубашке

с короткими рукавами летом. Брюки и туфли во все времена года должны были быть чёрными. Естественно, трёх раз не надо, чтобы угадать, кто встречался ей на жизненном пути. Кто угодно, только не зеленоглазый высокий шатен. Не повезло Марь Ванне выйти замуж. Осталась одна в четырёх стенах: ни «лайка» ни « комента ». Тупо жила для идиотов. Вот такая вот радость на старость. Считая дни, когда она выйдет на заслуженный и долгожданный отдых, Марь Ванна не задумывалась над тем, что она будет делать на пенсии. Для неё было главным не видеть на своих уроках « тупонатов », уткнувшихся в экран смартфона. Этих пышущих здоровьем и счастьем, для которых жизнь, как по расписанию, предоставит все самое лучшее и за так, не потребовав взамен ни усилия, ни горя, ни капли разочарования. Просто так, – на тебе дом, машину, семью, детей и прочую лепоту. И плюс к этому, отдельным бонусом их ждала студенческая жизнь, где весело, интересно, и общежитие со всеми вытекающими приятными последствиями. Пропустив мимо себя жизнь, грех было не испортить её другим. Как испортить аттестат, вернее, как поставить заслуженные оценки, эту идею Марь Ванна начала вынашивать с начала учебного года. Поступит ли класс в университет или нет, было во власти Марь Ванны. Это единственное служебное положение, которым Марь Ванна намеревалась воспользоваться. Об этом никто не знал, и это не могло не радовать. Никто и предположить не мог, какое наказание готовит преступление. Благая (так за глаза называли Марь Ванну), как и раньше, приходила на уроки и, написав на доске тему, ровным спокойным голосом вещала, как это важно знать историю своего края. Никто не слушал учительницу. Ученики наперёд знали свои оценки, за которые договорились с директором школы их маменьки и папеньки.

Единственный мужчина, который знал, что он волнует Марь Ванну, это был Эраст Эдуардович Голубович, – директор школы. Импозантный мужчина под шестьдесят пользовался успехом у женщин. Рост у директора был выше среднего, всегда при параде: светлый костюм, белая рубашка и неизменный красный галстук щедро усыпанный белым горошком. Положительный образ дополняли блестящие лакированные туфли коричневого цвета. Особо гордился директор шевелюрой, которой не могли похвастаться его ровесники. Встретив такого мужчину, женщина читала на его лице:

«Я хоть и ношу седину на висках, но я такой мачо-кукарачо, что меня стоит попробовать».

И пробовали многие, кроме Марь Ванны, которую Эдуардович берег на потом. Не подпуская никого к себе ни злым, ни добрым словом, Марь Ванна таяла, стоило Эдуардовичу высморкаться, не говоря уже о сладком:

– Марь Ванна, можно вас на пару ласковых и обворожительных...

Марь Ванна слушала песню старого соловья, который, прощобетав о переменчивой погоде и о том, как быстро летит время, плавно перешёл к делу.

– Вот что мне в вас нравится, Эраст Эдуардович, так это всё, – улыбаясь, шутила Марь Ванна, а может, и не шутила.

Старый перец театрально рассмеялся, как над шуткой врача, которому пациент после операции говорит спасибо, а тот в ответ заявляет, что он не доктор, а Апостол Павел. Продолжая выдавливать хи-хи, директор закончил шутейный разговор вопросом:

– Так как мы поступим?

– А заявлю ка я на вас в антикоррупционный комитет.

Шутки в сторону, улыбка исчезла с лица директора. Пауза длинной в анекдот: «Фамилия? Ослов! Инициалы? И.А.» – прошла, и директор рассмеялся, как человек, до которого достучалась шутка:

– «Почему у тебя одна нога 41-го размера, а вторая 45-го?»

– А у меня дед воевал».

– Ну, Марь Ванна, – игриво браня пальцем, смеялся директор, – вам надо в комеди «Вумэн» выступить или на «Рассмеши гномика».

Рассчитывая на бурный смех, после типа я перепутал комика с гномика, директор, глупо улыбаясь, ждал на заслуженную похвалу в остроумии. Марь Ванна и впрямь хотела взорваться смехом, но из темноты коридора вышел учитель музыки Клеопатр Акакиевич Грай. Приподнятое настроение сменилось напряжением. Марь Ванна отвернулась, нервно закашлявшись. Эраст Эдуардович строго взглянул на учителя музыки, который, как оказывается, не давал Марь Ванне проходу. За что и был уволен, когда посреди урока при всём классе признался ей в любви, причём так страстно, что исцеловал бедной учительнице все ноги.

– Я пришёл за своими инструментами...

Клеопатр, поздоровавшись, стоял в ожидании привет или пока. Не дождавшись ни того ни другого, экс-учитель музыки поправил очки и, дико извиняясь, сошёл с места. Но, не сделав и пару шагов, остановился, посмотрел на свою любовь и сказал страстным шёпотом:

– Ты все равно будешь моей!

– Клеопатр Акакиевич! – строго сказал директор. – Вас заждался контрабас.

Проводив взглядом бывшего учителя, Эдуардович повернулся к Марь Ванне и, заглянув ей в глаза, спросил:

– Все хорошо?

– Я согласна.

– Вот и ладненько! – заулыбался директор и, вытащив блокнот, оторвал листок, где были записаны фамилии лоботрясов, которым надо зависить оценки.

Взяв листок, Марь Ванна бегло пробежалась по фамилиям и, тяжело вздохнув, посмотрела на директора.

– Марь Ванна, родненькая, – улыбаясь, сказал директор, молитвенно сложив ладони.

– Только ради вас, Эраст Эдуардович, – сказала Марь Ванна и, пожелав всего хорошего, пошла в учительскую.

Сказав про себя «Ес», директор пошёл к себе в кабинет, но, вспомнив, развернулся и окрикнул Марь Ванну.

– Я совсем забыл сказать...

– К нам едет ревизор, – решила пошутить Марь Ванна и попала в точку.

В школу действительно ехала проверка. Вернее, инспектор по инновациям и реформам образования.

– Не с проверкой, а, как сегодня модно говорить, для мониторинга учебного процесса, – кивая головой, саркастично сказал директор.

– Будем молиться, что не введут тринадцатый класс, – в тон директору иронизировала Марь Ванна.

– Вы так же шутили про одиннадцатый и двенадцатый класс.

– Да бросьте, это совпадение.

– Ой, я извиняюсь, – вытащив телефон, сказал директор.

Пока директор открывал «SMS», которое сообщало, что на его банковскую карту перевели деньги, Марь Ванна перевела взгляд на стену, где кто-то нацарапал: «Цой жив». «Неужели его кто-то ещё помнит?», – подумала фанатка группы «Кино». Затем в глаза бросилась нецензурная надпись, утверждающая, что любой, кто слушает «РЭП» рифмуется с именем Тарас. Щадя свой мозг, Марь Ванна перевела свой взгляд от стены в окно, из которого открывался вид на аллею, ведущую в школу. Аллея лежала в живом коридоре тополей и классика: перевёрнутые урны с мусором и сломанные лавочки, на ремонт которых столяры давно махнули рукой. Вся школа была на уроках. Рай школьной тишины дополнялся майским солнцем, щедро залитым во все окна. Вдали аллеи нарисовался силуэт высокого мужчины, шагающего по направлению к школе. По мере приближения силуэт все больше и больше приобретал очертания импозантного мужчины в костюме цвета мороженого. Когда же мужчина приблизился настолько близко, что можно было разглядеть ямку на его подбородке, то Марь Ванна чуть не упала

в обморок. К школе приближался высокий зеленоглазый шатен. Не веря своим глазам, Марь Ванна перевела взгляд от окна снова на стену, из которой ей бросилась в глаза яркая надпись: «Марина я тебя люблю».

– Этого не может быть, – неслышно прошептала Марь Ванна.

– Что? – все-таки услышал директор.

Придя в себя, Марь Ванна вопросительно посмотрела на директора. Тот, в свою очередь, переспросил, все ли у неё хорошо и, получив утвердительный кивок головы, открыл рот, чтобы сказать потрясающую новость. Марь Ванна снова посмотрела в окно. Мираж исчез. Печалька.

– А вот и мы, – глядя в горизонт коридора, иронично пропищал директор.

– Кто это мы? – переспросила Марь Ванна, пытаясь разглядеть, кто идёт по коридору.

– Штирлиц идёт по коридору, – протянув руку директору, сказал инспектор, решив начать знакомство с шутки.

– Знакомьтесь, Марь Ванна, – фальшиво изображая радость, сказал директор, – инспектор по инновациям и мониторингу, Тарас Ананич Сладенький.

Открыв рот от изумления, Марь Ванна смотрела на мечту всей своей жизни: высокого зеленоглазого шатена в костюме цвета мороженого. Не помня себя от счастья, Марь Ванна протянула руку, которая тут же утонула в жарких ладонях инспектора.

– Тарас Ананич молодой и перспективный, – сыпал комплименты директор.

– Это прекрасно, – лепетала Марь Ванна, заморожено глядя инспектору в глаза, как девочка.

– Так сказать, новая волна образовательной номенклатуры.

– Это восхитительно, – словно молодая Джульетта, говорила Марь Ванна.

– Тарас Ананич будет проверять оценки выпускников.

«Это ужасно», – подумала Марь Ванна. Но вслух продолжала тараторить: «Это чудесно», «Это потрясающе», «Это приятно», думая при этом, как скрыть своё преступление и заполнить зеленоглазого красавчика.

Желая остановить поток незаслуженных комплиментов с ярко выраженными нотками грубой лести, зеленоглазый шатен, нежно взял Марь Ванну за локоть и жарко опалил ей ухо знойной хрипотцой:

– Разрешите, я буду называть вас просто Мария.

– Разрешаю, – пролепетала Марь Ванна, голосом девушки семнадцати лет.

– Все равно ты будешь моей, – услышал инспектор. – Ой...

– Клеопатр Акакиевич, – строго сказал директор.

Ухо инспектора горело от страстного шепота.

Коцарский и Кексинович были закадычными друзьями с первого класса. Подружила их общая беда под названием Серёга Симоненко. Появился он во втором классе. Оставленный на второй год здоровенный бугай с лицом орангутанга терроризировал весь класс с первого дня своего появления. Сначала он передёргал всех девчонок за косички. Дальше пошёл естественный отбор среди мальчишек. Коца и Кекс (те самые Коцарский и Кексинович) были последним звеном в пищевой цепочке, и так продолжалось до тех пор, пока в школьной столовой они не подсыпали в свой компот слабительное. Дав слабакам подзатыльники, Серёга сначала забрал у них еду, а потом оставил без компота. Для вида изобразив обиду, Коца с Кексом наигранно заплакали, смеясь про себя, когда Симоненко обзывал их плаксами. Дальше начался урок, посреди которого Серёга потянул руку, умоляя учителя, выпустить его на пять минут.

– Одна нога здесь, другая там, – обещал Серёга.

– Урок музыки – это святое! – дрожащим голосом сказал Клеопатр Акакиевич. – А если бы Бах отвлекался по пустякам, когда писал свою бессмертную седьмую симфонию?

Певун (такую кличку дали учителю музыки) – единственный учитель в школе, который ни за что и никогда не отпускал со своих уроков. Коца и Кекс знали, когда подавать компот. Сначала принялся Певун, а потом класс обернулся и посмотрел на Серёгу Симоненко, который, выпучив глаза, пытался обратить необратимое. С тех пор Серёга притих аж до выпускного класса. Пару раз он пытался восстановить права лидера, но Коца и Кекс быстро напоминали ему компот, и Серёга под общий хохот тушевался и так просидел в тихонях до выпускного класса. С тех пор Кекс и Коца прослыли школьными приколистами, чьи выдумки сорвали не одну контрольную. И вот теперь наступило время для их лебединой песни. Приколисты задумали оставить после себя такую память, поворошив которую, на душе станет легко и весело. Прогуляв урок, Коца и Кекс зашли в женский туалет и, перехихикиваясь, приступили к подготовке прикола. После случая с Серёгой, хохмачи сделали много чего весёлого. То добавили надпись: «Подождите учителя», к дорожному знаку: «Школа. Проезжайте тихо, не убейте ребёнка». Если классу не нравился какой-то учитель, то Коца и Кекс знали, что делать. Например, ручку двери намазать вьетнамским кремом-бальзамом «Звёздочка», а если вообще доставал, то дверь снимали с петель, и при открытии она падала на учителя. Стул не забывали посыпать мелом, а на стол рассыпать чёрный молотый перец. По мере взросления шутки ставали более изощрённые. И тут ребята перегнули палку и вернули авторитет Серёге Симоненко. Как говорится, полезли туда, куда очень хотели, но не знали как. Самая красивая девчонка в классе, Катрин, сводила с ума не только всех парней, а и учителей мужского пола. Красивой блондинке с голубыми глазами стоило взглянуть или поманить пальчиком, и все было так, как ей хотелось. Любая оценка и прихоть выполнялась мгновенно. Никто даже не смог предположить, что над королевой красоты можно подшутить. Коца и Кекс решили дерзнуть. Жизнь приколистов испортила обычная прищепка, к которой была привязана нитка. Прищепку, незаметно прикрепили сзади подола юбки, а нитку закинули на плечо ближе к груди.

– Что это за фиготень, – потянув нитку, сказала Катрин и явила классу свои прекрасные белые трусики в красную клубничку.

Серёга Симоненко сразу поймал момент. Подбежав к диверсантам, он треснул их лбами, и повалил на пол. Дальше началось самое страшное. Взяв швабру, Катрин подошла к горе-приколистам и начала избивать бедолаг не по-детски. Никто не решался остановить Катрин. Особенно парни, которые выпучив глаза, уставились на подол юбки, который все ещё оставался задраным. Когда переломалась швабра, Катрин велела Серёге Симоненко поднести два ведра с грязной водой. Но облить «шутников» грязной водой было мало. Взглядом, велел Серёге надеть на головы несчастных ведра, Катрин начала по ним барабанить обломками швабры, и неизвестно насколько далеко бы она зашла, если бы в класс не зашёл Певун.

Выхватив обломки швабры, учитель музыки велел всем замолчать и немедленно сесть за «патли». Сев за парты, которые имел ввиду учитель, класс никак не мог успокоиться. На истерические крики учителя Коца и Кекс поднялись и, не снимая вёдра, сели за «патли».

– Молчать!!! – плюясь, крикнул учитель, но класс не унимался.

Сняв с пострадавших вёдра, Певун ещё раз крикнул настоятельную просьбу сделать тишину. Класс никак не мог «заглохнуть» и, несмотря на классические угрозы вызвать директора и поставить всем неуд за поведение, «ржу не могу» продолжалось. Заметив, что его тайком снимают на телефоны, Певун незаметно поправил причёску, проверил ноздри и ширинку, и «О, ужас!», – громом разразилось в его голове. Взглянув на Катрин, которая в отличие от остальных не села на своё место, Певун, невнятно пробубнив просьбу сесть за парту, повернулся к доске, якобы написать тему урока. Стоило ему обернуться, как класс накрыла новая волна смеха. Кекс и Коца переглянулись, и заговорщицки улыбнулись своей проделке приклеить учителю на спину клочок бумаги с надписью: «Я Супер Лох!». Но Клеопатру Акакиевичу было плевать на смех – главное быстро застегнуть ширинку. Но молния не спешила подчи-

няться из-за «хозяйства», которое, помня клубнику на белоснежных трусиках Катрин, стояло как стрелки часов, показывающие на циферблате без пяти двенадцать.

Вдруг стало чудо – класс затих. Нервно дёргая змейку молнии, Певун с ужасом осознал, что с ним третий раз здороваются директор школы. Облегчённо вздохнув, когда от властного голоса директора «хозяйство» улеглось, Певун резко дёрнул молнию – и змейка поломалась.

– Что тут происходит? – выйдя из-за спины директора, поинтересовалась Марь Ванна, взглядом сверля Певуна, который продолжал стоять ко всем спиной и дёргал молнию, делая руками манипуляции неоднозначного толка.

Услышав голос своей возлюбленной, Клеопатр силой мысли пытался перевести стрелки циферблата на полшестого, но, увы, любовь – это всегда без пяти двенадцать. Сделав три коротких вдоха и выдоха, Певун развернулся и, глядя на Марь Ванну, как испанский тореадор, кинулся к ногам своей любви, не обращая внимания на класс. Дальше все было прекрасно и грустно. Сделав страстное признание в любви, Клеопатр навсегда лишился своей возлюбленной. Во-первых, во-вторых, и, в-третьих, его выгнали с работы. Но сможет ли это остановить тайфун любви? Любовь Клеопатра сместила Марь Ванну, но когда Певун расцеловал ей ноги, забавы кончились, и началась тревога. Марь Ванна избегала Клеопатра Акакиевича, а теперь она его боялась, и не зря. Не прошло и три дня после его увольнения, как он снова появился. Как всегда, восьмой или тринадцатый раз, проснувшись по малой нужде, Марь Ванна, вернувшись с уборной, в ужасе обнаружила в своей постели сгусток волосатой плоти мужского рода, намеренной проникнуть туда, куда ни-ни. Раскрыв одеяло, Марь Ванна заголосила на всё общежитие, перекрикивая страстные признания в любви, которые с пеной у рта изливал Клеопатр. На сей раз «Ромео» перестарался. Приехала полиция, завели дело, и Клеопатр пошёл на сделку. Марь Ванна предложила забрать заявления в обмен на то, что Клеопатр выедет из города и никогда не вернётся. Выйдя на свободу, Певун выдумывал причины, по которым не может вот так сняться и уехать. То требуется уплатить долг за коммуналку, то не на кого оставить кота, надо подождать, и тому подобные сказки. Единственной правдой было то, что у Певуна нет денег. Однако, что касается оставить Марь Ванну в покое, Клеопатр был человеком слова. Держал, как и обещал, пока не встретил возлюбленную в школьном коридоре. Вот тут он не смог удержаться, когда на его глазах красивое существо без единого дефекта заигрывало с его возлюбленной. Но это был миг слабости, после которого Клеопатр, извинившись, испарился. В городе об учителе музыки никто не слышал уже больше месяца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.